

Антиконституция СССР

<Фрагменты>

В новой советской конституции ничего нет нового. Над нею «проработали» почти два десятилетия (впервые о ней заговорил Хрущев в 1959 г. на XXI съезде). Работали, как говорил Л. Брежнев, «не спеша». Работали главным образом ножницами и клеем — резали куски из Программы партии Хрущева и приклеивали их к кускам из конституции Сталина. В результате по выражению «Нойе Цюрхер Цейтунг», — гора родила мышь! Конституция, в плане юридическом, есть второе, ухудшенное издание сталинской конституции. В плане политическом — она уточняет стратегические цели Кремля внутри и вне страны, чего намеренно избегал Сталин. Поэтому прав Брежнев, когда он сказал: «Конституция это не только юридический акт, но и важнейший политический документ» («Правда», 5 июня 1977). Еще вернее было бы сказать, что данная конституция не столько юридический акт, сколько политический документ. Поэтому заниматься формально-юридическим анализом ее отдельных статей — бесцельное занятие, но вскрывать политические замыслы юридических формулировок — дело стоящее. Постараемся это сделать.

I. Узаконение диктатуры партии

Л. Брежнев в своем докладе о проекте Конституции СССР заявил: «Работая над проектом мы прочно стояли на почве преемственности. В нем сохранены и развиты намеченные еще Лениным характерные черты Конституции социалистического типа» («Правда», 5, 6. 1977). Обратимся к классическому определению сущности советской конституции, которое дал сам Ленин: «Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу» (Ленин, т. 31, 4-ое издание, стр. 342). Когда Ленина обвинили, что у вас, таким образом, фактически нет ни «конституции», ни даже «диктатуры пролетариата», а есть диктатура одной партии, то он невозмутимо отвечал: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим, и с этой почвы сойти не можем» (Ленин, т. 24, 3-е изд., стр. 423).

Брежнев совершенно прав: новая «Конституция СССР» скрупулезно воспроизводит вот эти основополагающие идеи Ленина. Разница между Лениным и эпигонами сводится только к одному:

гибкий тактик Ленин предпочитал завуалировать эту диктатуру партии (партолигархии) ширмой Советов и поэтому в его двух конституциях (1918, 1924) нигде не присутствует партия, как властная сила, а его наследники, сохраняя все еще ширму, открыто сообщают, кто стоит за ширмой: абсолютная власть партии. Это и понятно. Ленин писал свои «Конституции» — одну через три месяца после начала гражданской войны, когда вопрос быть или не быть диктатуре партии решался на поле сражения, а вторую — через три года после Кронштадтского восстания. До смерти напуганный не столько этим восстанием былой «красы и гордости» Октябрьского переворота — кронштадтских матросов, сколько их заразительным для массы лозунгом «За Советы без коммунистов» — Ленин писал, что Кронштадт опаснее Юденича, Колчака и Деникина вместе взятых. Поэтому мы находим в обеих ленинских конституциях куда больше демократии, чем в последней «Конституции СССР». В то же время нет там ни одного слова о партии. Статья I конституции 1918 г. гласит: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам». Как бы для того, чтобы утаить от народа, что фактически государством будут управлять не Советы, а партия Ленин подчеркивает в ст. 7: «Власть должна принадлежать целиком и исключительно... Советам рабочих, солдат и крестьянских депутатов». В ст. 14, 15, 16 конституция 1918 г. признает «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений» — свободы слова, печати, собраний, демонстраций, объединений, организаций (не забудем, что партии меньшев. и эсеров все еще существовали легально). Даже статья о свободе совести сформулирована в конст. 1918 г. куда демократичнее, чем в конст. 1977 г. В конст. 1918 г. сказано: «Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», а в конституции 1977 г. признается только право антирелигиозной пропаганды (ст. 52). В Ленине удивительным образом уживался трезвый политик рядом с беспардонным фантазером. Ведь нельзя же объяснить лишь одной конъюнктурой, что в его конституцию 1918 г. попала и такая статья: «9. Основная задача РСФСР уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Сейчас в СССР «водворён», по заявлению партийных теоретиков, не просто «социализм», а «зрелый социализм», по утверждению же Программы партии 1961 г. мы даже будем иметь в СССР через три года, в 1980 г., уже в основном построенный коммунизм, но вот государство и не собирается исчезать. Советское государство, на-

оборот, стало тоталитарным, почему оно себя, вероятно, и назвало «общенародным». Фундамент этого советского тоталитаризма тоже был заложен Лениным. Именно Ленину принадлежит тоталитарная концепция «слияния властей» вместо теории «разделения властей» современного правового государства. Величайшее изобретение человеческой правовой мысли — идея «разделения властей» возникла еще у Аристотеля, но в стройную теорию она была превращена английским ученым Локком в конце XVII века и особенно ярко французским ученым Монтескье в середине XVIII века. Согласно этому учению верховная государственная власть — это не единое целое, не органический монолит, а сумма независимых друг от друга трех властей — законодательной власти (парламент), исполнительной власти (правительство) и правосудия (суд). Чтобы понять и правильно оценить глубочайший гуманистический смысл учения о «разделении властей», достаточно бросить беглый взгляд на историю государственных образований хотя бы с начала христианского летоисчисления. Тогда мы увидим, что сосредоточение всей верховной власти в одном лице (диктатор), в одной клике (олигархия), в одном классе («диктатура пролетариата») явилась основой безраздельного произвола бесчисленных тиранических систем, из которых господство абсолютных монархий даже было наименьшим злом, ибо оно опиралось все-таки на писанные законы. Вот барьером против возникновений новых тираний и было учение о «разделении властей». Оно открыло и совершенно новую эпоху не только в истории государственной мысли, но и государственной практики в виде образования современных правовых демократических государств. Как раз это учение лежало в основе конституционных актов Великой Французской революции, как и Конституции 1787 г. США. Сегодня уже все без исключения западные государства и их конституции основаны на концепции «разделения властей». Исключением являются восточные коммунистические государства, которые согласно учению Ленина, вернулись к системе диктатуры, что требовало сосредоточения всей государственной власти в одном органе. Поэтому в «Конституции» 1918 г. записано (ст. 31): «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов является высшим законодательным, исполнительным и контролирующим органом». Так как всякий знает, что ВЦИК или сейчас Верховный Совет есть лишь псевдоним Политбюро ЦК КПСС, то Политбюро и есть одновременно законодатель, правитель, судья, плюс, поскольку мы живем не при ленинском нэпе, а при «зрелом социализме», Политбюро есть и единственный работодатель. Между тем эта реальная, единственная и единая верховная власть Советского

Союза даже не упомянута в новой конституции. Зато отцы новой конституции впервые в истории советского режима узаконили диктатуру партии, то есть того же Политбюро, в ст. 6, которая гласит:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является КПСС... Коммунистическая Партия определяет генеральную перспективу... Линию внутренней и внешней политики СССР...».

Если перевести этот партийный жаргон на язык людей, это значит, что в советском государстве законодательствует, правительствует и контролирует партийная иерархия каждого уровня — в Москве Политбюро и Секретариат ЦК КПСС, а в низах — их филиалы: центральные комитеты союзных республик, крайкомы, обкомы, райкомы, парткомы. Так и надо было записать в новую конституцию, отбросив никому ненужную и никого не обманывающую ширму Советов.

II. От ленинской федерации к брежневской интеграции

Российская империя представляла собою многонациональное государство. Ленин был, пожалуй, первым русским политиком, который понял, что русская империя, состоящая наполовину из нерусских народов, может быть спасена от судьбы всех бывших больших империй — от развала — при исключительно тонком подходе к так называемому национальному вопросу. Будучи великодержавником в прямом смысле этого слова, Ленин в политике выступал как убежденный интернационалист. Его интернационализм и был его тончайшей тактикой. Ею он мастерски воспользовался как в организации гибели старой Российской империи, так и в создании новой советской империи. Вспомним хотя бы один разительный пример — Гражданскую войну генерал Деникин вел под лозунгом «единой неделимой России», а Ленин вел ее под лозунгом права всех нерусских народов, в том числе украинцев и белорусов, на выход из России. Деникин проиграл, Ленин выиграл, а Россия осталась «единой и неделимой». Но тот же Ленин учил, что захватить власть дело относительно легкое, но удержать ее гораздо труднее, особенно в многонациональной стране, как Россия. Отсюда Ленин и разработал такую гибкую национальную политику, рецептам которой завидовал бы сам Макиавелли. Вспомним другой разительный пример: когда в 1922 г. подготавлилось объединение тогдашних четырех советских республик (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР) в единое федеративное государство, ЦК Партии от 24 сентября 1922 г., в отсутствие больного Ленина

принял план Сталина создать федерацию путем включения УССР, БССР и ЗСФСР в состав РСФСР на правах автономных республик. Коммунистические правительства Белоруссии и Грузии отвергли план «автономизации» Сталина, а ЦК и правительство Украины раскололось по этому вопросу. Ленин сразу почуял опасность и решительно отверг этот план и добился нового постановления ЦК о создании федерации равноправных и суверенных советских республик в виде СССР¹. Конечно, никаких суверенных республик не было, а сама федерация, как и сейчас, оставалась фикцией, но создавая форму, Ленин спасал содержание — коммунистический абсолютизм. В интересах этого же содержания Ленин включил в конституцию 1924 г. (она была утверждена через десять дней после смерти Ленина 31 января 1924 г.) и такое чисто фиктивное право, как право свободного выхода любой союзной республики из СССР. В конституции 1936 г. и нынешней конституции это право повторяется. Однако ничто так не опасно в СССР, как одно лишь простое желание воспользоваться этим «конституционным правом»: все судебные процессы над партийными и советскими руководителями в союзных республиках в эру ежовщины² инсценировались как раз по обвинению, что подсудимые готовили выход из СССР своих республик. Да что говорить о сталинских временах. Как раз в наше время были судебные процессы над украинской группой Лукьяненко³ и над армянской группой Айрикан⁴ за то, что они потребовали в полном согласии с конституцией 1936 г. (ст. 17), чтобы Украине и Армении разрешили выйти из состава СССР. Судили на законном основании, ибо вопреки всем трем советским конституциям, по ст. 58 ленинско-сталинского Уголовного Кодекса и ст. 64 нового хрущевско-брежневского Уголовного Кодекса РСФСР посягательство «на территориальную неприкосновенность» СССР карается не только тюремным заключением, но и смертной казнью. Таким образом выяснилось, что советское уголовное право выше советского конституционного права.

Разумеется, Ленин и в мыслях не допускал, что он кому-нибудь разрешит выйти из СССР. Совсем наоборот, он собирался включить в СССР и другие народы мира. Поэтому в преамбуле конституции 1924 г. Ленин записал, что «новое Союзное государство явится... новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» (История советской конституции, стр. 460).

Так называемая «доктрина Брежнева», согласно которой восточноевропейские страны Варшавского пакта пользуются лишь относительным суверенитетом, есть ведь второй шаг на путях

осуществления этого ленинского завета в масштабе коммунистической Европы.

Без шума и незаметно для внешнего мира руководящие советские теоретики продолжают развивать дальше «доктрину Брежнев», на этот раз уже во внутриимперском аспекте. Через четыре дня после опубликования проекта новой конституции в далекой глуши, в Фрунзе (Киргизия) состоялась теоретическая конференция по национальному вопросу. Чтобы видеть важность этой конференции, достаточно указать, что ею руководили и на ней делали доклады три члена ЦК КПСС — П. Н. Федосеев, Г. У. Усубалиев и Н. Н. Иноземцев. Впервые на данной конференции ЦК КПСС, устами названных своих членов, распространил известный тезис из Программы партии 1961 г. о «расцвете и сближении наций» для создания «единого народа» и на народы восточноевропейских социалистических стран. Федосеев, открывая конференцию заявил, что создание «советского народа» как социальноисторической общности не служит ограждению советского народа от других народов социалистических государств, «а наоборот сближает нации и народности Советского Союза с зарубежными социалистическими народами...». В этой связи надо указать на одно важное обстоятельство, которое завело в тупик авторов теории «советский народ»⁵. Эта теория оказалась палкой о двух концах: с точки зрения внутривнутриполитических интересов формула «советский народ» казалась эластичным прикрытием для ассимиляции и слияния нерусских народов с русским народом и таким образом для создания новой «социалистической нации» в СССР в полном согласии с ленинской теорией о слиянии всех наций в новую единую нацию. Но, с другой стороны, такая теория явно противоречит внешнеполитическим задачам Советского Союза в социалистических странах Европы. Ведь ближайшая цель Кремля — это создание «новой социально-исторической общности» со всеми народами социалистических стран, то есть слияние этих народов с народами СССР как преддверие к интернациональному коммунистическому человечеству. Поэтому, обращаясь к восточноевропейским народам, Федосеев говорит, что «советский народ» — это не новая нация, а «образец органического объединения людей разных наций» (газета «Советская Киргизия», 8 июня 1977). Адресуясь к тем же восточноевропейским социалистическим странам, первый секретарь ЦК Киргизии Усубалиев добавляет: «Советский народ следует рассматривать как первую историческую форму из тех интернациональных объединений, которые неизбежно возникнут на пути поступательного движения народов к безнациональному человечеству» (там же, 9 июня, 1977). Если «советский народ»

«первая историческая форма», то какая же будет «вторая форма»? Ответ члена ЦК КПСС Усубалиева ясен и категоричен: «Сочетание национального и интернационального ныне происходит не только внутри СССР, но также и в рамках социалистического содружества... Постепенно складывается более широкая историческая общность общность народов социалистического содружества» (там же). Вот эти выступления Федосеева и Усубалиева есть одновременно и комментарий и интерпретация ст. 30 конституции 1977 г., которая гласит: «Советский Союз как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе социалистического интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и международном социалистическом разделении труда».

Таким образом, свое право создать из социалистических стран Восточной Европы «новую социалистическую общность», постепенно сливая ее с «новой советской общностью», Кремль закрепил в законодательном порядке.

III. Конституция и антиконституционная действительность

Начнем с того, что пишет в своем анализе новой конституции проф. Ревеш в одном швейцарском журнале: «По праву возникает вопрос, как это становится возможным советскому государству на основе одной и той же конституции один раз управлять так, а другой раз иначе: чистки (1936–1939), централизация (до 1953), децентрализация (1957–1964), рецентрализация (с 1964)? Как оказывается возможным проводить террор и потом относительную либерализацию на основе одной и той же конституции? Что за цена такой конституции?». Этот отзыв типичен для западных комментаторов новой советской конституции, многие из которых ограничились просто ироническими замечаниями. И это о документе, который Кремль задумал как пропагандную бомбу! В самом деле, никакими конституциями и декларациями невозможно объявить бывшее небывшим, а антиконституционную действительность не существующей.

В советской конституции 1918 г. были гарантированы все гражданские права и свободы, а через год, в 1919 г. по стране прошла волна всеобщего красного террора. Ленин был первым, кто узаконил террор в советском уголовном праве и поставил это уголовное право над конституционным правом. 17 мая 1922 г. он пишет в своем знаменитом письме тогдашнему наркому юстиции

Д. Курскому: «Суд должен не устранять террор — обещать это было самообманом и обманом — а объяснить и узаконить его» (Ленин т. XXVII, стр. 297, 3-е изд.). В 1936 г. Сталин дал новую конституцию. В ее обсуждении участвовал весь народ. В ст. 27 было записано: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора». Не высохли, как говорится, чернила, которыми писалась сталинская конституция, как в начале следующего 1937 г. началась беспримерная даже в истории советского режима инквизиция, названная народом ежовщиной. В своем докладе о проекте новой конституции Брежнев не прошел мимо этого факта, хотя бережливо обошел имя Сталина и масштаб содеянных преступлений. Брежнев сказал: «Мы знаем, что отдельные годы после принятия ныне действующей конституции были омрачены незаконными репрессиями. Это делалось вопреки конституционным установлениям» («Правда», 5, 6, 1977). Стараясь преуменьшить масштаб и продолжительность содеянных режимом преступлений, Брежнев говорит об «отдельных годах», тогда как речь может идти о целой эпохе перманентных репрессий. Достаточно вспомнить лишь наиболее кричащие злодеяния, одни из которых опирались на «ленинскую конституцию», другие — на «сталинскую конституцию», чтобы уличить «Генсека» в притворной скромности⁶.

<...>

Все эти репрессии происходили на основе «ленинской конституции» 1924 г. Однако все рекорды побила «сталинская конституция» 1936 г. Опираясь на эту конституцию, а не вопреки ей, как утверждает Брежнев, были произведены последующие репрессии:

1. в 1937–1939 гг. было репрессировано от восьми до десяти миллионов человек, из них одних коммунистов около 200 000 человек;

2. в 1941–1945 гг. происходит так называемый «военный призыв» заключенных (тех, которые числились в «черных списках» НКВД для ареста в случае войны);

3. после окончания войны репрессировано около 5–6 миллионов советских граждан, попавших в плен, мобилизованных немцами как восточных рабочих или просто оказавшихся на оккупированной немцами территории;

4. в 1946–1953 гг. — подготовка новой «Великой чистки» с походом против «космополитов». Создаются «Ленинградское дело», «Мингрельское дело», «Сионистское дело», «Дело кремлевских врачей».

Нет, т. Брежнев, не «отдельные годы» были омрачены, но целая эпоха была мрачная и жуткая.

IV. Основы коммунистической государственной системы

В своей резолюции на Апрельской конференции большевиков в 1917 г. Ленин категорически заявлял, что будущее советское государство явится «типом государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества». В книге «Государство и революция» Ленин не только развивал дальше идеи Маркса и Энгельса об отмирании государства, но еще ругал тех социалистов, которые намеренно их игнорируют. Это Ленин считал лучшим доказательством измены социализму. Советский Союз выпускает ежегодно десятки тысяч книг, ежемесячно сотни журналов, ежедневно тысячи газет с бесконечными цитатами из Маркса, Энгельса и Ленина, но цитат об отмирании государства вы там никогда не встретите. Почему? Потому что появился новый классик марксизма, который данный вопрос поставил «диалектически» (самые невероятные метаморфозы и крутые зигзаги коммунисты обосновывают ссылкой на всепасающую «диалектику»). Новый классик, т. е. Сталин, заявил на январском пленуме ЦК в 1933 г.: «Мы придем к отмиранию государства не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление» (Вопросы ленинизма, стр. 429).

Вот этой идеей Сталина и пронизана вся новая конституция. Поэтому в преамбуле новой конституции «диктатура пролетариата» не отмирает, она лишь переходит в форму «общенародного государства», тем самым увековечивая само коммунистическое государство. Причем во главе этого «общенародного государства» ставится, тоже как вечная категория — «авангард народа» коммунистическая партия. Советское «общенародное государство» существует лишь на бумаге, названной «новой конституцией». На деле существует та же самая старая коммунистическая диктатура с той лишь разницей, что она теперь впервые открыто объявлена и законодательно закреплена в той же конституции. Это лучше всего и нагляднее всего продемонстрировали отцы новой конституции в ее первой же главе. Там в ст. 2 мы читаем: «Вся власть в СССР принадлежит народу». Значит «общенародное государство» и его верховный суверенитет определяет сам суверенный народ. Но через три статьи, а именно в ст. 6 начисто ликвидируется только что объявленный народный суверенитет, и мы узнаем имя верховного законодателя, правителя и судьи в одном лице: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является КПСС... КПСС определяет линию внутренней и внешней политики». Иначе говоря, не высшие государственные органы,

а высшие партийные органы определяют и направляют всю политику государства. В этой связи становится понятным, что отцы новой конституции включили в нее и чисто партийный принцип управления — пресловутый «демократический централизм» (ст. 3).

Что же такое «демократический централизм»? Это было изобретение Ленина как компромисс между меньшевизмом и большевизмом на VI съезде партии (1906)⁷, и в дальнейшем Ленин им пользовался только как прикрытием диктатуры партаппарата. Когда же в партии появилась оппозиция, требовавшая проведения этого принципа в жизнь (оппозиция «демократических централистов»), то Ленин, который теперь не нуждался в каких-либо прикрытиях, отказался от него. Вот свидетельство протоколов девятого съезда партии (1920 г.): «В первый день съезда т. Ленин говорил о демократическом централизме, объявил идиотами всех, кто говорит о демократическом централизме, и самый демократический централизм — допотопным и устарелым» (Девятый съезд РКП(б). Протоколы, 1960, стр. 124). Но такому «демократу» как Сталин «демократический централизм» приглянулся как надежное оружие прикрытия своего восхождения к единоличной тирании и поэтому он, вопреки Ленину, сохранил его в уставе партии. Теперь ученики Сталина внесли «демократический централизм» и в конституцию страны как еще новое свидетельство того, что так называемая советская демократия есть лишь внешняя форма советской тоталитарной партократии.

V. Гражданские права и свободы по-советски

Как это ни покажется странным, но несомненный факт: руками авторов новой советской конституции водила незримая воля американского президента Картера. Если бы не его стратегия борьбы за гражданские права в СССР, если бы не его мужественный ответ академику Сахарову, если бы не его демонстративный прием в Белом доме Владимира Буковского — владыки Кремля в лучшем случае ограничились бы, как и в других частях новой конституции переписыванием статей о гражданских правах и свободах из сталинской конституции, а в худшем — просто обошли бы их молчанием. Но Кремль решил удивить и Картера и весь мир: Сталин в своей конституции давал советским гражданам всего лишь «десять прав и свобод», а вот Брежнев их увеличил в два раза — они имеют теперь целых двадцать! Пусть видит мир, что Картер ломится в открытую дверь. Но о правах и свободах человека в той или иной стране судят не столько по конституции, сколько по конституционной действительности. Дело даже не в том, что свои

«права и свободы» советская конституция сопровождает оговорками, которые сводят их на нет (ст. 39: «использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства»; ст. 50: «в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий...»). Ведь демократическое движение диссидентов и возникло на основе советской конституции и под лозунгом «Соблюдайте собственную конституцию!». Оно требовало, как и требует нынешнее движение за права человека, соблюдения советской конституции в целях укрепления того же самого «социалистического строя». Оно само соблюдало не только основной закон, но и его оговорки, т. е. оно было политически лояльным, а юридически вполне легальным движением. Чем же все это кончилось?

Кончилось тем, что большинство его участников оказалось в тюрьмах, лагерях, сумасшедших домах или изгнанными из собственной страны. Дело, значит, в другом, а именно: 1) есть ли в конституции материально-правовые гарантии соблюдения правительством и его карательно-административными органами конституционных прав и свобод советского человека?; 2) есть ли в конституции Верховный конституционный суд для установления конституционности действий советского правительства и законодательной практики Верховного Совета? Ни того, ни другого в новой конституции нет, как их не было и в старых конституциях.

Величайший гуманистический вклад Запада в теорию и практику управления человека человеком в том и заключается, что западные конституции исходят из постулата: примат права над государством, тогда как советская конституция исходит из противоположного принципа: примат государства над правом. Отсюда в западных конституциях «государство для человека», а в советской конституции — «человек для государства». Поэтому-то в западных конституциях для гарантирования гражданских прав и свобод существует независимый от правительства и парламента Верховный суд, наблюдающий за соблюдением конституции и конституционных прав правительством и парламентом.

<...>

Партия, составляющая только 6% всего населения или около 9% взрослого населения законодательствует, правительствует и распределяет социальную продукцию страны; она управляет не только политикой, экономикой и культурой, но и мыслями, вкусами, чувствами и воображением людей. Для этой партии писаная конституция государства не закон, а форма легализации своей диктатуры и пропагандный инструмент по осуществлению своей собственной воли.

VI. «Антиконституция» «зрелого социализма»

Бесхозяйственность и коррупция всегда были элементами социалистической системы, но сегодня они уже не элементы, но ее основы.

<...>

Сталин доказал Ленину, что коммунисты умеют хозяйничать, но хозяйничать как рабовладельцы. Со смертью Сталина эта рабовладельческая система претерпела определенный кризис: исчез рабский труд миллионов, как исчезли и сталинские законы о принудительном труде. Все последующие попытки Хрущева их реставрировать в виде различных указов о «тунеядцах» не имели того эффекта, какой имели законы Сталина. Хозяйственная система, обязанная всеми своими успехами принудительному труду, начала деградировать. Хрущев решил, что он нашел причину деградации — началась эра бесконечных реорганизаций, децентрализаций, рецентрализаций. «Волюнтаризм» и «субъективизм» Хрущева только усугубил общий кризис. Хрущева убрали, но не убрали причины кризиса — принудительное хозяйничанье. Поэтому все эти новые кричащие потуги — «реформы Косыгина» и «аграрная политика» Брежнева оказались мерами паллиативными.

Теперь в новую конституцию включили целую главу «Экономическая система» (гл. II, ст. 9–18), от которой авторы конституции ожидают чуда. Однако там есть только одна статья, которая может оказаться чудотворной, если от нее потом не откажутся. Это статья 17: «В СССР в соответствии с законом допускается индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды трудовой деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семьи». Данная статья конституции есть просто легализация существующего положения, когда мизерные приусадебные участки колхозников кормят миллионы людей в городах, многотысячная армия «шабашников» освобождает коммунхозы от непосильной для них задачи обеспечивать текущий ремонт квартир миллионов семей, а подпольные «семейные артели» обувщиков и портных обувают и одевают людей по последнему слову моды. Так в СССР вырос совершенно новый социальный класс, который может быть назван «классом свободных трудящихся» в отличие от государственных трудящихся. Если авторы новой конституции всерьез решили легализовать этот класс, то с хозяйственной точки зрения они поступили весьма разумно, с точки же зрения политической весьма рискованно.

Ленинский нэп дискредитировал социалистическую систему хозяйствования, поэтому Сталин его ликвидировал. Легализация «класса свободных трудящихся» может явиться самой яркой иллюстрацией порочности всей системы так называемого «зрелого социализма». Отсюда опасность его ликвидации. Во всем остальном глава «Экономическая система» узаконивает существующий «азиатский способ производства» с произволом Госплана, всесилением министерской бюрократии и уровнем жизни развивающихся стран.

В заключительном слове на X Всероссийской партийной конференции в 1921 г. Ленин выдвинул тезис: «Судьба коммунистического режима в России будет решена в конечном счете на хозяйственном поприще. Если коммунистической России удастся доказать на деле превосходство коммунистической хозяйственной системы над системой капиталистической, то тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно» (Ленин, ПСС, т. 43, стр. 341). К 60-летию СССР история дала исчерпывающий ответ на поставленный Лениным вопрос: как раз на хозяйственном поприще коммунизм обанкротился нагляднее всего.

Беспощадно сожрав отцов и детей своей революции, начисто исчерпав былой динамизм своей молодости, воочию продемонстрировав перед всем миром антиэкономичность своей экономической модели, — советский коммунизм стал таким пугалом, от которого вынуждены отмежевываться даже его вчерашние энтузиасты на Западе — западно-европейские коммунистические партии. Все это, однако, мало трогает господ из Кремля. Они живут сегодняшним днем и действуют по принципу — «после нас — хоть потоп!». Они задним числом присваивают себе звания героев войны и маршалов Советского Союза, коллекционируют самые дорогие заграничные автомобили не только для себя, но и для своих детей, сооружают за народные деньги дачи-крепости на берегах Балтики, Крыма и Кавказа, бесплатно получают отборные заграничные и отечественные товары и продукты из «спецраспределителей», готовят своих детей достойно «принять эстафету отцов». Республиканские, областные и районные вожди стараются подражать стилю и образу жизни московских «руководящих товарищей». Остальной бюрократии живется не так вольготно, но она также имеет свой принцип жизни: «если меня не компенсируют, то я самокомпенсируюсь!». Результат — небывалый и невозможный при каком-либо ином режиме рост повсеместной коррупции, продажности, взяточничества. А народ? Никого не должно удивлять, что при таких вождях и при такой системе многие из низов народа тоже живут по-ленински: «Грабь награбленное!». Отсюда эпидемия «расхищения социалистической собственности».

В пролетарском трудовом государстве честный труд становится самым презренным делом. Опаздывание и неявки на работу, «летунство», «итальянские забастовки», «приписки», «очковничество» стали массовым явлением. Им сопутствует небывалый рост пьянства без различия пола и возраста. Государство намеренно превращает водку в «опиум народа». Число вытрезвителей растет быстрее числа школ. Черствость души, озверелость нравов и поразительная распространенность сквернословия стали «моральным кодексом» так называемого «советского образа жизни». Вот та общая почва, на которой растут хулиганство, дебош, вооруженные грабежи, убийства. Их масштаб, вероятно, так велик, что советское правительство боится предать гласности статистику уголовных преступлений в стране (см. об этом интересное исследование В. Чалидзе «Уголовная Россия») ⁸.

В стране сплошной грамотности, где одних ученых около миллиона, специалистов до 25 миллионов, мыслить иначе, чем мыслят бездари из ЦК и башибузуки из КГБ, считается тягостным государственным преступлением. Как долго все это может продолжаться? Мы этого не знаем. Зато мы видим и знаем другое. Руководители Кремля бездумно толкают страну и свой режим к той зловещей бездне, за которой начинается катастрофа. Вместо того, чтобы предупредить это радикальными реформами, они преподнесли стране «Антиконституцию». По своему они правы, ибо догадываются, что в логическом конце любых реформ они потеряют монополию власти. Они скорее загубят страну, чем потеряют власть.

Власть — всевозвышающая, комфортабельная, величественная — и есть тот единственный Бог, которому они молятся и которым они вдохновляются. Однако, упиваясь оргией этой власти, ослепленные ее блеском, глухие к страданиям народа и нуждам страны — партийно-полицейские самодержцы тем вернее провоцируют будущую катастрофу.

